

УДК 81'367.624.5

**«ФИОЛЕТОВОЕ» БЕЗРАЗЛИЧИЕ:
НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ В СТАРОЙ НАРЕЧНОЙ ФОРМЕ**

© 2010 г.

Т.П. Ившина

Московский государственный педагогический университет

i.t.p.-56@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2010

Рассматривается проблема мотивированности нового значения 'безразлично' в наречии «фиолетово», в появлении которого отразилось сложное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов и которое связывается с ассоциативно-вербальным полем соотносительного с наречием прилагательного.

Ключевые слова: мотивированность значения, ассоциативно-вербальное поле, психологическая характеристика, культурологический фон, лингвистический фактор.

Один из путей пополнения лексического состава языка – переосмысление уже имеющихся в нем форм, что наблюдается в настоящее время в употреблении некоторых наречий. Поскольку подобные явления возникают в устной речи, новое употребление часто бывает связано с внесением экспрессивности в высказывание.

Недостаток экспрессивных средств в языке восполняется и с помощью наречий на -о, так как именно они актуализируют признак, выраженный соотносительными с ними прилагательными-мотиваторами, придавая протяженности признака временное ограничение (ср.: принять *крутое* решение и решить *круто*), вносят новизну в употребление слова, характеризуют говорящего как представителя определенной социально-возрастной группы, выполняют коммуникативную задачу адресанта.

«Информация, сопровождающая сообщение, – писал Л.Н. Мурзин, – это аура». По мнению ученого, функции ауры языка, реализующиеся в речи, следующие: эстетическая (вызов осознанной реакции *нравится / не нравится*), суггестивная (воздействие на подсознание адресата, косвенно – на его мышление), энергетическая (не только побуждение к действию, но передача адресату общечеловеческой окультуренной энергии, обеспечивающей связь человечества со всем мирозданием [1, с. 11–12].

На наш взгляд, эти функции ауры наглядно демонстрирует употребление формы *фиолетово* в значении 'безразлично' в стихотворении, помещенном на интернет-странице (заметим, что чаще в сленге присутствует предикативное наречие/слово категории состояния):

*Счастья на всех не хватит,
За ним целая очередь,
Подходят нервные рати,
Уходят пьяные россыти.*

*Небо мнется бумажное,
У всех настроение летнее,
Люди, покрытые сажеею...
Мне все фиолетово.*

*Любовь распродали еще вчера,
Раздают бесплатно ненависть,
А на сердце ноет дыра,
Наступает глупая смертность.*

*Счастья на всех и не надо,
Оно станет черною меткою,
Умирает глупое стадо...
Мне все фиолетово.*

О. Сотников. Мне все фиолетово [2, ЭР¹]

Оставив без внимания художественные достоинства стихотворения, остановимся на двух моментах. Первый – те жизненные реалии-стимулы, которые вызывают реакцию-безразличие (в конструкции с предикатом – кратким прилагательным *фиолетово*), однако лексика стихотворения объясняет выбор предиката только содержательно в соответствии с уже устоявшимся в устной разговорной речи значением слова. «Задача лингвиста в том, чтобы выявить полную внутреннюю форму простых или сложных языковых знаков, т.е. восстановить все звенья перехода от значений к замыслу... И только когда объективно может быть доказано, что таких звеньев не существует и в подсознании, лингвист имеет право говорить об идиоматичности сложного языкового знака и о немо-

тивированности простого» [3, с. 78–79]. Следовательно, требуется еще и лингвистическое обоснование выбора этого знака. Второй момент – соположенность сем смерти и безразличия / «фиолетового» состояния, чего не наблюдается в разговорной речи; к нему вернемся позже как к одному из звеньев ассоциативных связей прилагательного для установления мотивированности/немотивированности значения, которое появилось, по Л.В. Щербе, «путем нового применения старого слова» [4, ЭР].

Интересно, что в романе Н. Садур «Немец» 1996 г. смысловое содержание прилагательного *фиолетовый*, обусловленное контекстуально и проясняющееся только при понимании всего текста произведения, на наш взгляд, имеет еще и коннотацию безразличия: *Ему нас совсем не видно, наш мир ему фиолетов, душен, гадко горяч, страстно тягуч, он просто так полежит, посверкает, он от рассеянности выпал, нечаянно, он так и живет – руки-ноги вразлет, рот приоткрыт, взор туманно-неясно влюблен, блуждает, рассеянно отирает случайные поцелуи со своих щек, он летает, парит, сам с собою говорит**². Даже в границах предложения ясно, что смысл его связан с неприятием мира, непониманием его, отстранением от него, ср. похожую смысловую «добавку» у В. Маяковского (*Париж – фиолетовый, Париж в анилине, вставал за окном «Ротонды»*). В. Маяковский («Верлен и Сезан»), если рассматривать прилагательное не только как отсылку к импрессионизму, но и определенную оценку в цикле стихотворений о Париже, «где парижская жизнь не про нас», по словам автора.

Любопытна коннотация ‘плохо’ в наречии *фиолетово*: *Когда у французских художников спрашивали: «Как живешь?», они отвечали: «Фиолетово», значит, плохо. А почему у Ренуара сиренево-фиолетовая гамма так женственно жизнерадостна?* (Ю. Азаров «Подозреваемый», 2002)*.

В устной речи и в публицистике последнего десятилетия укрепилось новое содержание в омоформах *фиолетово* в функциях обстоятельства и сказуемого, чаще в роли предикатива в безличном предложении. Это отражается и в художественных произведениях. Рассмотрим условия употребления слов с этим корнем в современных текстах.

1. Имя прилагательное в номинативном значении употребляется для указания на цвет в полной и краткой форме: *Повеситься 22-го на фиолетовом столбе, предварительно прибив табличку: «Он был фиолетов, как спелый баклажан»?* (Г. Щербакова «Моление о Еве»)*

Полная форма прилагательного в переносном значении встречается значительно реже, чем краткая: ее мы обнаружили лишь в трех контекстах, приведем один из них с явно оценочным значением: *Если лицо пытается совершить сделку от своего имени с самим собой, каким боком такой сделке может препятствовать законодательный запрет <...>? Сугубо фиолетовым. Dervish³* [5, ЭР].

Краткая форма-предикатив отличается большей частотностью употребления как в простых, так и в сложноподчиненных предложениях с придаточным подлежащим: *...весь окружающий мир ему абсолютно фиолетов. Viker* [6, ЭР]; *Лично мне было глубоко фиолетово, кто у нас мэр был и кто будет. Буфф-Сад* [7, ЭР].

2. Часто новое значение встречается в форме предикативного наречия / слова категории состояния в безличном предложении и выражает внутреннее состояние / отношение: *...России от этого фиолетово. У нас там есть свои люди и своя земля – юг и восток Украины. (С. Юрьев «Ю. Тимошенко – Виктору Ющенко: Предатель! Помайданил – и бросил»*)*. При нем может быть зависимое наречие-интенсификатор: *Медведеву «глубоко фиолетово»* [8, ЭР]. В прямом значении в подобной конструкции не употребляется.

3. Наречие в позиции обстоятельства может употребляться как в прямом значении (имеем в виду сохранение денотативного значения – обозначения цвета – в метонимическом переносе: распустятся фиолетовыми цветами), так и в переносном: *Они когда распустятся красиво / фиолетово / я обрежу эти цветоносы / их выброшу / а сами листья замечательные у меня по всему участку сидят. Программа «Пока все дома», ОРТ**; *А везучая потому, что к той же жизни отношусь "фиолетово"* В. Дьяков [9, ЭР].

Новое значение обнаружено нами в субстантивированных прилагательных с неясной семантикой (цвета одежды/позиции), например: *Сегодня, между прочим, у лидера "Фиолетовых" (Deep Purple) Ричи Блэкмора юбилей – 65. Миша Ложкин* [10, ЭР]. Встречаются амбивалентные формы, когда контекст не проясняет грамматической природы слова: *Частично оффтоп: многие психологи считают, что человек, предпочитающий в одежде фиолетовые цвета, находится в состоянии депрессии. Ну, это так – к слову “фиолетово” Helga* [11, ЭР]; *Так и не только фиолетовым, но и розовым или ещё каким стать можно. И не важно, кто он, буддист или мусульманин. RehNeferMes* [12, ЭР].

Сленговый характер употребления наречия оказывается связанным не только со свободой сочетаемости и смысла наречия, но и его векторной направленностью в предложении. Так, в предложении *Фиолетово ниже плитуса Сааша тер Марго стину*. (И. Вирабов «Заложники за-стеколья»)* наречие «прочитывается» как ‘определенно’, поскольку дистанцировано от глагола и синтаксически зависит от обстоятельства, но в то же время семантически зависит и от сказуемого, двусторонне характеризуя субъект действия, т.к. отражает отношение субъекта действия к воспринимаемому действию объекту и безразличное – к адресату самого действия как текста. Наречие оказывается вовлеченным в три коммуникативных акта: субъект – объект действия, адресант – адресат текста, субъект действия – наблюдатель действия, т.к. с помощью наречия передается отношение субъекта действия к объекту и одновременно – оценка этого действия со стороны отправителя текста, как бы взгляд «со стороны», а также отношение субъекта к самому «взгляду со стороны» – наблюдателю действия. Примыкание наречия к обстоятельству проецирует в *фиолетово* значение интенсивности, однако крайняя степень проявления признака в самой форме *ниже плитуса*, на наш взгляд, препятствует считать наречие интенсификатором, ср.: *Машина, дорога, станция «Фт, 89.10» со своим освежающим блюзом и привычные мысли о том, что жизнь одинаковая, что ко мне она фиолетово безразлична и что мне это, в общем, до фени...* (Кира Сурикова «Толю из Жуковки знаешь?»)*

Употреблениями наречия *фиолетово* хорошо иллюстрируется положение Л.В. Щербы «Через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежат действующие лица» [4, ЭР] и то, как в этой среде реализуются языковые потенции. С приобретением нового значения наречие изменило свои синтагматические и парадигматические характеристики: изменило сочетаемость и приобрело новые антонимо-синонимические связи. По сути, оно продемонстрировало «универсальный механизм языка, обеспечивающий, с одной стороны, компактность выражения ситуации, описываемой говорящим, с другой – возможность некоторого “маневра” в выборе средств описания» [13, с. 45].

Е.В. Рахилина, говоря в целом о системе сочетаемости, не согласилась с идиоматичностью сочетаемости как немотивированностью: «Правила едины, и сочетаемость мотивирована. Мотивированы и метонимические переносы, и метафора, и то, что принято называть “устойчивыми сочетаниями”» [14, с. 339]. Она называет

иллюзией существование в языке зоны свободной сочетаемости, указывая на условие исчезновения этой иллюзии – сколько-нибудь подробное рассмотрение [14, с. 337]. «Современная семантика вообще, скорее, склонна искать объяснения. И постепенно в ней начинает преобладать точка зрения, согласно которой сочетаемые характеристики не существуют сами по себе: они (по крайней мере, большинство из них) мотивированы содержательными, т.е. семантическими свойствами» [14, с. 9].

Новое значение воспринимается через фокус прямого значения слова, «основное вещественное значение слова никогда не погасает до конца. Это значение всегда предполагается, как фон и фундамент дальнейших смысловых изменений слова» [15, с. 21–22].

Для ответа на вопрос о мотивированности/немотивированности употребления наречия *фиолетово* следует проанализировать прямое и переносные значения, а также сопутствующие коннотации прилагательного, т.е. фон, который мог содействовать появлению нового значения, – ассоциативно-вербальную группу имени. «Законность» словоупотребления доказывается точкой пересечения в нем лексико-семантических полей, в основу которых положены синтагматический и парадигматический принципы, согласование через семантические поля сочетающихся лексем (по теории поля Г.С. Шура). Поскольку новое значение прилагательного (его принимаем условно, так как более частотно в речи употребление наречия, которое в языке мотивируется именем прилагательным) относится к группе состояния/оценки, рассмотрим его «историю» в разных аспектах: физическом, хроматическом, психологическом и лингвистическом.

Фиолетовый цвет входит в 12 цветов хроматического круга, он соответствует монохроматическому излучению с минимальной длиной волны, которую способен воспринимать человеческий глаз [16, ЭР], он не принадлежит группе основных цветов. Характеристика психологического восприятия цвета, представляющего собой смесь синего и красного в пропорции 50/50, противоречива в силу соединения красок. Ассоциации, связанные с оттенками фиолетового цвета, составляют, по оценкам дизайнеров, очень широкий круг: от креативности, будущего – до безволия [17, ЭР]. Ключевые слова и символика фиолетового цвета иллюстрируют его многозначность: мудрость, духовность, мистика, вдохновение, артистизм, благородство, закон, власть, фанатизм, отчуждение, смерть [18, ЭР].

Психолог Вильгельм Вундт приписывал фиолетовому цвету, на основании его связи с

красным и синим, одновременно склонность к мрачно-меланхолической серьезности и взволнованно-тоскливому настроению. При этом Вундт, видимо, имел в виду сумеречный фиолетово-синий цвет [19, ЭР].

Готфрид Хаупт в диссертации «Цветовая символика в сакральном искусстве» пишет: «В то время как черный означает абсолютное ничто, фиолетовый представляет собой скрытую тайну» [20, ЭР].

Кларисса Рай фиолетовый цвет связывает с силой взаимодействия противоположных и дополняющих друг друга свойств, появлением способности более четко разграничивать объективное и субъективное, а полную самоидентификацию с этим ощущением – с порождением чувства неразрывной связи с миром [21, 328].

Г. Фрилинг и К. Ауэр отнесли его к «дезинтегрирующим» (холодным) цветам, приглушающим раздражение, характеризуя как «углубленный, тяжелый» [22, ЭР].

Элиза Россар, изучив траурные традиции народов мира, цвет траура обусловила «той философией, которую вкладывает народ в символику цвета». По ее сведениям, фиолетовый цвет входил в классические традиции траура в Англии (при черном как основном) наряду с серым, розовато-лиловым, черно-белым, отделкой вышивкой и бисером из черного янтаря. В Китае, где в траурной одежде доминирует белый цвет, используется и красно-фиолетовый (а также розовый и красно-розовый). В русском трауре в XIX веке появляется термин «полутраур», что означает ношение траура недолгое время. В этот период шили траурную одежду из материи фиолетово-дофинового цвета (самый темный лиловый), сиреневого, маренго, гри-де-лень (серая ткань с орнаментом в полоску), в черно-белую клетку [23, ЭР], что отражено в свидетельствах современников:

...французские дофины не носили в трауре черного, а фиолетовый цвет, лиловое, жирофле, сиреневое, гри-де-лень и тому подобное. (Д. Благово «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком»)*;

Княгиня в скромном, фиолетово-дофиновом платье и в темной шали, с грустью поглядывая на Перовского и Аврору, молча раскладывала в гостиной пасьянс. (Г. Данилевский «Сожженная Москва»)*.

Таким образом, выбор фиолетового цвета для траурной одежды соотносится с его психологическим восприятием. Неслучайно в литературных произведениях он имеет негативные коннотации (мы выбрали примеры, где фиоле-

товый цвет передается метонимически наречием):

На западе коряжились, громоздясь, тучи. Вверху фиолетово чернели, чуть ниже утрачивали чудовищную свою окраску... (М. Шолохов «Тихий Дон»)*;

От встречного ветра фиолетово синели впалые щеки, выбритые перед самым отъездом. (Е. Носов «Шопен, соната номер два»)*

Глагол с семой цвета влияет на смысловое содержание наречия, «нагружая» признак дополнительной семой насыщенности цвета: в первом примере более темный цвет в соответствии с семантикой определяемого наречием глагола (ср.: *чернели, синели*).

Если глагол не содержит сему цвета, но находится в лексико-семантическом поле цвета как в прямом своем значении, так и переносном, то наречие выражает собственно цвет:

...возле стола стояли, потупясь, капитан Шедченко с фиолетово намазанными губками и бледный лейтенант Кутяев... (Р. Солнцев «Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем») – губки, намазанные фиолетовой краской);

Адрес на фанерке был написан химическим карандашом, снег таял, и буквы фиолетово расплзались. (Р. Киреев «Четвертая осень») – фиолетовые буквы.

Проанализируем спектр цветowych прилагательных, с которыми сочетается прилагательное *фиолетовый* в прямом значении в сложных словах, по мере убывания частотности (по материалам основного и газетного разделов Национального корпуса русского языка): красный – 10, черный – $8/2^4$, синий – $8/2$, розовый – 7, голубой – $4/1$, зеленый – $3/1$, серый – 3, лиловый – 2, сиреневый $2/1$, коричневый – 2, оранжевый – 2, сине-зеленый, сизый, золотистый, пурпуровый, дофиновый (самый темный лиловый) – 1, белый – $0/1$. Отметим также его в сложных словах, где вторая часть обозначает цвет через предмет опосредованно (вересковый – 1, антрацитовый $0/1$, чернильный – $0/2$) либо является дополнительным к цвету признаком (муаровый⁵, седой, нежный).

Выделим тяготение фиолетового к красному, черному и синему цветам, что не вызывает положительных эмоций.

Следует заметить, что фиолетовый цвет появился на полотнах художников значительно позднее других цветов, он не очень часто встречается в русской классической литературе. Е.В. Рахилина, разграничивая «конвенциональные», или условные (белое вино, черный хлеб, красный крест), и неконвенциональные цвета

(фиолетовый, оранжевый, коричневый), соотносила ограниченность сочетаемости вторых а) с поздним проникновением в русский словарь: «... по крайней мере первые два из этой группы историками русского языка с определенностью датируются 17-м веком», б) с внутренней структурой прилагательных [14, с. 177]. Учитывая особенности современного употребления омоформ *фиолетово*, отнесем данный цвет к конвенциональным цветам⁶.

Редкое использование этого цвета в русской классической литературе, думается, обусловлено природой прилагательного *фиолетовый*, которое не порождало в то время прозрачного переносного значения, не имело символических значений, как *белый*, *черный*, *красный*, и не использовалось метонимически, как позднее *белые*, *красные* и т.п.

Мы не обнаружили ни одного упоминания этого цвета в повестях Л.Н. Толстого, романах «Война и мир», «Анна Каренина», единичны его употребления у И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова. Так, в первом варианте романа «Война и мир» Толстой употребил прилагательное *фиолетовый* (*Но вот выехали на сахарную, блестящую даже фиолетовым отблеском снежную равнину, толкнул – раз, раз – ухаб в передних санях; точно так же толкнул следующие, следующие*), однако, расширяя описание в окончательном варианте, разбил цвет на его составляющие: *Сначала ехали маленькой рысью по узкой дороге. Пока ехали мимо сада, тени от оголенных деревьев ложились часто поперек дороги и скрывали яркий свет луны, но как только выехали за ограду, алмазно-блестящая, с сизым отблеском, снежная равнина, вся облитая месячным сиянием и неподвижная, открылась со всех сторон. Раз, раз, толкнул ухаб в передних санях; точно так же толкнуло следующие сани и следующие и, дерзко нарушая закованную тишину, одни за другими стали растягиваться сани. Фиолетовый цвет автором заменен на алмазный блеск с сизым отливом, что создает, во-первых, большую точность в передаче зрительных ощущений, во-вторых, придает описанию торжественность, соответствующую состоянию персонажа. Ср. контекст без подобной эмотивной окраски: *Солнце опять выглянуло, все заблестело, а на востоке заглулась над горизонтом невысокая, но яркая, с выступающим фиолетовым цветом, прерывающаяся только в одном конце радуга.* (Л. Толстой «Воскресение»)*

Н.С. Лесков прилагательное *фиолетовый* употребляет трижды, из них дважды – при опи-

сании одежды священников и религиозных атрибутов⁷, например: *Камилавка священника – фиолетового цвета, монашеская – черного.* (Н. Лесков «Соборяне»)

Отсутствие в произведениях русской классической литературы фиолетового цвета отчасти объясняется Ф.М. Достоевским: его не замечали и не оценивали ни ассоциативно, ни символически:

И, что опять-таки обидно, эти поцелуи происходили как-то не так, как у всего человечества. Тут непременно кругом растет дрок (непременно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого конечно никто никогда не примечал из смертных, т.е. и все видели, но не умели приметить, а “вот, дескать, я поглядел и отсысываю вам, дуракам, как самую обыкновенную вещь”. (Ф. Достоевский «Бесы»)

В целом для русской литературы XIX в. характерно употребление прилагательного *фиолетовый* в прямом значении, без смысловых «добавок». Для него естественна синтаксическая позиция определения, когда одиночное прилагательное (и в составе сложного слова) употребляется в описании: *...лежали, раскинувшись, на коротком сухом мохе желто-фиолетового цвета.* (И. Тургенев «Вешние воды»)

Краткую форму прилагательного в составе сказуемого мы обнаружили у И. Бунина, но его произведения имеют уже значительно более позднюю датировку и отражают языковые тенденции перелома веков:

Он выходил в поле: еще пусто, серо было в поле, еще цветкой торчало жнивье, еще колчеваты и фиолетовы были высохшие полевые дороги... (И. Бунин «Митина любовь») Ср.: *Отныне плащ мой фиолетов...* И. Северянина, *Эта я – мой наряд фиолетов, я надменна, юна и толста* Б. Ахмадулиной.

Рассмотрим эмотивный фон текстов, в которых присутствует прилагательное *фиолетовый*. Поэтический корпус русского языка содержит лишь один контекст употребления прилагательного: *Все свежей / Свет радуг фиолетово-зеленый / И сладкий запах ржи.* (И. Бунин «Две радуги»)*. Положительная эмоциональная окраска контекста обуславливается, на наш взгляд, не только авторским намерением, но и сочетанием фиолетового с зеленым.

Примечательно, что фиолетовый цвет в классической русской литературе часто бывает связан с эмоционально-оценочным полем негативной окраски:

Только один луч светлый и радостный, как будто выпросясь к людям, резво вылетел на миг из глубокой фиолетовой мглы, резво заиграл по крышам домов, мелькнул по мрачным, отсырелым стенам, раздробился на тысячу искр в каждой капле дождя и исчез, словно обидясь своим одиночеством, – исчез, как внезапный восторг, ненароком залетевший в скептическую славянскую душу, которого тотчас же и устыдится и не признает она. (Ф. Достоевский «Петербургская летопись»);

Солнце садилось после дождливого дня в серо-красные тучи, стволы в березовом лесочке были алые, проселок, резко выделявшийся черно-фиолетовой грязью среди свежей зелени, был тяжел. (И. Бунин «Деревня»);

От холода, от ледяной сырости воздуха большие руки его <Мити> посинели, губы стали лиловыми, смертельно-бледное лицо с провалившимися щеками приняло фиолетовый оттенок. (И. Бунин «Митина любовь»)

Проиллюстрируем лишь одну сторону ассоциативной сети прилагательного фиолетовый. Использование данного прилагательного в русской классической литературе может сопровождаться (эксплицитно и имплицитно) темой смерти/внезапного, что связано с традициями применения цвета в ритуальном убранстве и позволяет отнести существительное смерть к ассоциативно-вербальному полю исследуемого имени прилагательного:

Даже между двух образов, которыми благословили новобрачных, стоял оригинальный образ св. Иулиании, княжны Ольшанской. Образ этот был в дорогой золотой ризе, не кованой, но шитой, с несколькими яхонтами и изумрудами. А на фиолетовом бархате, покрывавшем заднюю часть доски, золотом же было вышито: «Сим образом св. девственницы, княжны Иулиании, благословила на брак Евгению Петровну Вязмитинову настоятельница Введенского Богородицкого девичьего монастыря смиренная инокиня Агния» (Н. Лесков «Некуда»)

Та же деталь присутствует и в бунинском повествовании: Я пристально глядел потом, стоя за церковью, среди старых могильных плит и памятников всяких бригадиров и секундмайоров, в глубокую и узкую яму, тускло и угрюмо блестящую своими твёрдо и ровно обрешанными боками: грубо и беспощадно летела туда, поспешно сыпалась сырая, первобытная земля на фиолетовый бархат, на крест из белого позумента. (И. Бунин «Жизнь Арсеньева») Фиолетовый цвет у Бунина и в метафорическом контексте смерти: До поднятия занавеса я сунулся было за кулисы: там сходили с ума, оде-

ваясь, гримируясь, крича, ссорясь, выбегая из уборных, наталкиваясь друг на друга и не узнавая друг друга, – так странно все были наряжены, – кто-то был даже в коричневом фраке и фиолетовых штанах, – так мертвы были парики и бороды, неподвижны размалёванные лица. (И. Бунин «Жизнь Арсеньева») Просматривается устойчивость контекстуальных условий употребления прилагательного фиолетовый в русской классической литературе в силу не только психологических особенностей восприятия этого цвета, но и его присутствия в определенных ситуациях, т.е. «покрытия» им определенного бытийного пространства. Имплицитность темы смерти бесспорна и в контексте середины XX в., насыщенном яркими деталями, которые свидетельствуют о физическом состоянии человека:

В шесть часов утра разъезд красноармейской группы, двигавшейся от Таганрога к Ростову, подобрал в степи человека в лохмотьях, с фиолетово-почерневшим лицом, с покрытыми кровавой корой и замотанными в обрывки башлыка руками. (Б. Лавренев «Ветер»)

Сема смерти входит в лексико-семантическое поле отстраненности, безразличия, равнодушного созерцания, что косвенно отражает сегодняшнее употребление наречия фиолетово в значении 'безразлично'. В нем, на наш взгляд, проявилась коннотация того вещественного значения слова, о котором говорил В.В. Виноградов и которое послужило фоном для ассоциативного переноса значения. «Цвет лишь один аспект панорамного образа, присутствующего в нашем сознании и проникшего в глубины бессознательного. Из этих глубин рождаются интуитивные представления, “видения” пластических эйдосов – идей» [24, с. 17].

Г.П. Мельников, исследуя проблему образности психических единиц, проанализировал отношения между теми единицами, которые вступают в ассоциативные отношения. Он представил формулы ассоциаций по сходству/смежности, когда образы А и В, создающие новый образ, могут пересекаться и не пересекаться: $A-c-B=O$ (ассоциация по сходству), $A \cdot B=O$ (ассоциация по смежности) [3, с. 67]. На первый взгляд, исследуемое нами явление представляет собой ассоциацию по смежности, в которой нет совпадающих компонентов: А полностью как целое контактирует с С (А-ас-С). Однако при учете всех факторов, рождающих новое употребление фиолетово 'безразлично', все-таки можно говорить об ассоциации по смежности по формуле А-сс-В, когда в структуре каждой единицы есть «наложимый компо-

нент, обеспечивающий “перекрытие” А и В» [3, с. 67]. Этот наложимый компонент вычленяется в процессе исследования психологического и лингвокультурологического факторов употребления прилагательного *фиолетовый*.

Рождению метафорического значения *фиолетово* ‘безразлично’ лингвистически способствовало (чему содействовал социальный фон), по нашему мнению, существование символических значений *красные, белые, коричневые, оранжевые* (в связи с известными событиями), *зеленые*, наконец, *голубые, розовые*. В этом случае в общий ряд гипотетически входит окказиональное субстантивированное прилагательное **фиолетовые* как обозначение непринадлежности ни к одной из группировок, в том числе и к тем, которые представляют субкультуру (готы – с доминирующим черным цветом, эмо – розовым; в этом случае фиолетовый занимает срединную позицию между ними, нейтральную – безразличную, хотя и ее нельзя считать выражением абсолютного безразличия, скорее – собственной позиции, о чем свидетельствует материал переписки в блогах). Если учитывать, что новое значение имеет сленговый (молодежная среда) характер происхождения, то наше предположение находит свое обоснование.

Значение ‘безразлично’ вошло в поле социального размежевания в современной общественной ситуации, резкого противопоставления бедных и богатых, когда первым не достичь материальных высот вторых. Невозможность изменения ситуации, бессилие ведут к безразличию, которое становится одновременно маркером и способом противостояния и ограничивается лишь манифестацией позиции, поскольку действия оказываются безрезультатными. Данный тезис подтверждается современной публицистикой:

Но вы не поверите: мне все равно. Вот они «зеленые», а мне фиолетово. Вы меня еще спросите что-нибудь о жизни насекомых! (Баков «Наши чувства с Росселем взаимны»);*

Настолько фиолетово что уже синяя верёвочка кажется фиолетовой <...> Наверное стоит её покрасить. Залить розовой краской и сказать что это розовая верёвочка? <...> И мне не будет розово если её перекрасить <...> И если кто-то увидит что это фиолетовый... То всем будет на это так же розово. Дневник Наивного Мечтателя [25, ЭР].

«Правильность сочетаемости определяется смыслом» [26, с. 28]. Мы попытались обосновать появление смысла в новом употреблении наречия/СКС *фиолетово*. По нашему мнению, новое значение обусловлено ассоциативно-вербальными характеристиками имени прилагательного,

таким образом, новое значение наречия является все-таки мотивированным, оно зависит от прилагательного, его производность обуславливается сложным взаимодействием культурологических, социальных, психолингвистических и лингвистических факторов. «Остранненный», по Новиковой, знак, представляющий собой «синтагму, где сосуществует в противоречивом единстве тождество двух означающих и несовпадение не соответствующих им означаемых» [27, ЭР], оказывается подчиненным языковой системе и реализует ее потенции в речи в результате изменения сочетаемости.

Появление подобных знаков связано с лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Они вызваны не только недостатком экспрессивных средств языка, но и идентификацией отправителя речи, в которой отражается единство языка, сознания, мышления и речи.

Примечания

1. ЭР – электронный ресурс.
2. Звездочкой (*) отмечены примеры из Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorgora.ru>].
3. В цитатах из переписки в блогах орфография и пунктуация приведены в соответствие правилам.
4. Количество употреблений из газетного корпуса справа от косой линии.
5. Имеющий вид муара, с отливом. *Муаровая бумага. Муаровые обои* [28, ЭР]. Муаровый – имеющий окраску с волнообразным отливом [29, ЭР].
6. Е.В. Рахилина отнесла к конвенциональным цветам белый, черный, красный, рыжий, зеленый, синий и исключила из этого ряда фиолетовый в работе 2000 г., когда исследуемое значение не имело столь широкого употребления.
7. В.Г. Шакирова при анализе коннотативных значений слова, появление которых связано с культурологическими факторами, отмечает присутствие фиолетового цвета в одежде королевских особ, а также Папы Римского, римских императоров – тем, кому позволялось носить фиолетовые одежды [30, с. 101].

Список литературы

1. Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти проф. Л.Н. Мурзина). Пермь, 1998. С. 9–14.
2. Сотников О. Мне все фиолетово [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/s/sotnikow_o/fioletovo.shtml
3. Мельников Г.П. Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь: Перм. ун-т, 1977. С. 64–92.
4. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 110–129 [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-57.htm>.
5. <http://taxhelp.ru/new/forum/showthread.php?t=332430/>
 6. <http://www.otlichno.ru/baiki/2/?207>
 7. <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=43387>
 8. <http://www.livejournal.ru/themes/id/3793>
 9. <http://go.mail.ru/search?q=%F4%E8%EE%EB%E5%F2%EE%E2%EE&rch=l&num=10&sf=100>.
 10. <http://bvf.ru/forum/archive/index.php/t-476598-p-6.html>.
 11. <http://violet-lady.ru/?p=672>.
 12. <http://www.evangelie.ru/forum/t43291-24.html>.
 13. Мурзин Л.Н. Компрессия и семантика языка // Семантика и производство лингвистических единиц (проблемы деривации). Мезвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1979. С. 36–46.
 14. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
 15. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.
 16. <http://ru.wikipedia.org/>
 17. http://rosdesign.com/design_materials2/cvet_3.htm
 18. <http://www.biblio-labirint.info/pages/color.htm>
 19. Вундт В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/>
 20. Хаупт Г. Цветовая символика в сакральном искусстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/>
 21. Рай К. Цветомедитация / Пер. с нем.: А.М. Чунаков. М.: Интерэксперт, 1995. 367 с.
 22. Фрилинг Г., Ауэр, К. Человек – цвет – пространство. М., 1973, С. 9–12, 42–49 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/ct/ctpril2.html>
 23. Россар Э. Траурная одежда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.funeralportal.ru/article.php?ObjectId=245>
 24. Харченко В.К. Функции метафоры: Уч. пособие. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 96 с.
 25. <http://lekische.beon.ru/14483-193-kak-to-fioletovo.zhtml>
 26. Булгак Е.М. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале глаголов современного французского языка) // Вопросы филологии. Вып. 1. Минск, 1971. С. 28–32.
 27. Новикова М.Л. Изучение семантики остранный знака – словесного образа как единицы и компонента художественного пространства текста // Семиотика и семантика. Стилистика художественного текста. Acta Linguistica. С. 41–54 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavica.org/journals/index.php/als/ar...>
 28. Толковый словарь русского языка. Т. 4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство «Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
 29. Сидоров В. Словарь цветов и цветовых оттенков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://netler.ru/slovari/colour.htm>
 30. Шакирова В.Г. К вопросу о вербализации концепта «цвет» (на материале современного английского языка) // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: Материалы межвузовской науч. конф., посв. 20-летию кафедры общ. и слав. языкознания Перм. ун-та, 17–18 сентября 2002 г. Пермь, 2002. С. 99–102.

“PURPLE” INDIFFERENCE: THE NEW CONTENT IN THE OLD ADVERBIAL FORM

T.P. Ivshina

The paper addresses the problem of motivation in the new meaning of ‘indifference’ of the adverb *фиолетово*. In this new meaning, which is associated with the associative-verbal field of the adjective correlated with the adverb, a complex interaction of linguistic and extralinguistic factors is reflected.

Keywords: motivation of the meaning, associative-verbal field, psychological characteristics, cultural background, linguistic factor.